

...Столетие «советской Марлен Дитрих» (или Греты Гарбо, если угодно), ослепительно-белокурой кариатиды, поддерживавшей непробиваемый фасад Страны Советов образца 1930-х годов. ...Столетие женщины, победившей «свое» время (не благоприятствовавшее таким, как она). Чтоб победить эпоху, актрисе пришлось стать ее символом. В издательстве «Алгоритм» выходит книга «Любовь Орлова. 100 былей и 100 небылиц». Публикуем отрывки из нее...

АНГЕЛ, СЛУЖИВШИЙ ТАПЕРОМ

11 февраля — 100 лет
со дня рождения Любови Орловой

было шесть лет (то есть в 1908 году. — Прим. ред.). С Ирошкой, старшей дочерью Федора Ивановича, моей сверстницей, мы были на «ты». Но к розовому ангелу я обратиться на «ты» не посмел. Вот с тех пор мы и говорим друг другу «вы». <...>

В 1912-м певец прислал из Монте-Карло своей любимице Ирине письмо: «Милая моя Рири! Рад я, что ты повидалась с твоими подружками Орловыми, и приятно знать, что вам было весело...»

К сожалению, много лет спустя Орлова не уважила просьбу «подружки Рири» принять участие в вечере памяти ее великого отца. И только из-за того, что фактом своего знакомства с Шаляпиным боялась выдать свой немалый к тому времени возраст... <...>

После гимназии с 1919 года в жизни Орловой значится так и не законченная — в суровые 1921—1922 гг. пришлось начать зарабатывать — Московская консерватория. Консерваторской практики хватило для того, чтобы стать — ради заработка — музыкальным сопроводителем фильмов, попросту говоря, тапером в кинотеатре. «Таперская» премьера Орловой состоялась в кинотеатре «Унион» (потом «Повторный») на углу Никитских ворот. На всю жизнь актриса сохранила «Руководство по музыкальному сопровождению» — его любил демонстрировать Александров, — в котором четко было расписано, когда и какую музыку следует исполнять.

Если на экране происходят драки или погони, следует играть фокстроты и румбы. Если же герои объясняются в любви, их чувства должны сопровождать вальсы, бостоны. В некоторых, особенно страстных случаях разрешались жгучие танго. Ну и соответственно совсем уж минорная музыка, если герой боится, а тем паче умирает.

Все это Орлова-таперша тщательно соблюдала и потом, на съемках «Волги-Волги», признавалась, знакомясь с И. Ильинским:

— Думала ли я, сопровождая музыкой похождения ваших уморительных немых героев, что когда-нибудь сама встречусь с Ильинским на экране!

Таперская страница в биографии Орловой послужила богатым материалом для неосуществленного, к сожалению, Александровым сценария «ДО и ПО».

...Героиня сценария, пианистка, тоже не может после консерватории найти другой работы, кроме таперской в кинотеатре. Но Орловой-та-

перу и не снилось, до чего додумывалась в этой должности ее героиня в «ДО и ПО». Когда рвалась кинопланка (а тогда это было сплошь и рядом и исправлялось не скоро), Катя Муратова (так звали героиню) играла публике настоящую, не таперскую музыку. Когда фильм был новый и не очень «рвался», она договаривалась с механиком, что тот порвет пленку умышленно.

Однажды он, восхищенный ее игрой, нарочно затянул склейку порванной якобы пленки, и Катя сыграла что-то классическое целиком. Часть публики потребовала исполнять «классику» дальше вместо явно пошлого фильма. Другая оказалась категорически против.

Дело дошло до потасовки. <...>

В результате кинотеатр разнесли вдребезги, а ее, естественно, выгнали...

Начиная с 1936 года автор «Мастера и Маргариты» читал написанные им главы романа ближайшим друзьям. Среди них были и друзья Александрова («Друг моего друга Александрова Чарли Чаплин», — острит Н. Богословский) — композитор

торском исполнении. А может, и мечтали о его маловероятном когда-нибудь осуществлении... С Орловой, конечно, Маргаритой. И с тем набором кинематографических трюков, которыми, как никто в СССР, владел Александров. <...>

Две Маргариты — героиня романа и ее несостоявшаяся кинематографическая ипостась — встретились снова в октябре 1941 года, в эвакуационном эшелоне.

Об одной остановке поезда «Москва — Алма-Ата» рассказывает Д. Щеглов:

«...Когда по вагону пошли разговоры об очередном авианалете, Орлова как ни в чем не бывало вышла подышать холодным октябрьским воздухом и немного пройтись. Возле соседнего вагона она остановилась. Женщину, которую Орлова заметила в одном из окон, можно было узнать лишь по напоминающим на всю жизнь глазам — настолько она была истощена и обескровлена».

Это была жена М. Булгакова, Елена Сергеевна <...>

«Елена Сергеевна Булгаковой, — пишет Д. Щеглов, — стоило невероятных трудов попасть в этот особый поезд. Кроме 12 рублей пенсии, которую выхлопотал влюбленный в нее Фадеев, жить ей было абсолютно не на что. Она падала в голодные обмороки, с трудом могла говорить».

Впрочем, заговаривать с Еленой Сергеевной никто и не собирался. Орлова оказалась единственной, она подошла к ней, пригласила в свое купе, поделилась едой.

Близкими знакомыми они никогда не были, что и придает этой встрече особый смысл, ибо какой бы осторожной ни была или ни казалась Орлова, какое бы недостижимое место ни занимала она в сталинском пантеоне избранных, никто не мог припомнить ей нарочитое «неузнавание» при встрече с отверженными или даже просто суетливым огонек, зажавшийся в глазах всякого просчитывающего последствия подобных встреч. Была

В. Шебалин, возглавивший недавно комиссию, снявшую с режиссера и Дунаевского обвинения в плагиате «Марша веселых ребят», и художник П. Вильямс, кисти которого принадлежит одно из самых необычных полотен Третьяковки (вернее, ее записников) — портрет Александрова 1933 года с гитарой и девочкой на первом плане, жующей почему-то огурец.

После нескольких авторских читок Шебалин и Вильямс передали М. Булгакову, что Александров и Орлова сошли бы за честь присоединиться к слушателям романа. Булгаков не возражал, и несколько вечеров режиссер с актрисой наслаждались главами «Мастера и Маргариты» в ав-

черта, за которую она никогда не переходила, не позволяла себе переходить.

Через много лет она так же подойдет к еще одной зачумленной — вдове бывшего директора «Мосфильма», отсидевшей больше 15 лет. На студии, куда эта женщина пришла устраиваться на работу после лагерей, ее никто «не узнал», кроме Орловой, буквально бросившейся к ней с объятиями. <...>

Не зря же Ф. Раневская заметила как-то: «Сказать об Орловой, что она «добрая», — это все равно что признать, что Лев Толстой — писатель не без способностей».

● Юрий СААКОВ

P.S. Портрет Любови Орловой и снимок, сделанный во время ее встречи с поклонниками, публикуются впервые.